

Научная статья

УДК 821.161.1.09

DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-79-84

Сырое и соленое: Илья Эренбург в борьбе за здоровое питание

Александр Иванович Куляпин

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

iskander58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Аннотация

Одна из наиболее необычных глав седьмой книги «Люди, годы, жизнь» посвящена рассказу о настойчивых попытках Ильи Эренбурга внедрить в меню советских граждан зимний салат «витлуф». Мотивы, побудившие писателя начать многолетнюю борьбу за распространение витлуфа, выходят далеко за рамки его личных гастрономических пристрастий. Витлуф для Эренбурга – неотъемлемая принадлежность парижского быта, что дает ему повод противопоставить жизнь «у них» и «у нас». Противопоставляя «витлуф» «квашеной капусте», Эренбург демонстрирует кардинальное различие между жизнью на Западе и в Советском Союзе. Упоминание витлуфа почти всегда предполагает использование эпитета «свежий». В квашеной же капусте на символическом уровне репрезентирован тот советско-русский консерватизм, который блокирует все попытки динамичного развития страны, ведет к застою (т. е. *загниванию*). Квашение, как известно, – это ферментация, т. е. процесс контролируемого гниения. Иносказательный смысл реальным событиям придает автор при помощи французского выражения. Чиновников, которых у нас принято называть «ответственными», французы именуют «крупными овощами», – поясняет Эренбург. Консервативные убеждения он приписывает исключительно высшим советским функционерам. Партийной номенклатуре противопоставлен герой с эмблематическими именем и профессией – *сторож Иван Иванович*. Его первая реакция на витлуф сугубо «охранительная», с отчетливым мифопоэтическим оттенком. Он решительно против всяких нововведений в гастрономической сфере. Однако десятилетняя служба на даче Эренбурга превратила Ивана Ивановича в настоящего европейца. В масштабах же страны все попытки внедрения витлуфа оказались безрезультатными. Эренбург на конкретном примере попытался вскрыть механизм крушения любых российских реформ.

Ключевые слова

Эренбург, мемуары, символ, миф, поэтика, гастрономическая культура, иносказание

Для цитирования

Куляпин А. И. Сырое и соленое: Илья Эренбург в борьбе за здоровое питание // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 79–84. DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-79-84

© Куляпин А. И., 2025

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 79–84
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1, pp. 79–84

Raw and Salty: Ilya Ehrenburg in the Fight for a Healthy Diet

Alexander I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

iskander58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Abstract

One of the most unusual chapters of the seventh book “People, Years, Life” is devoted to the story of Ilya Ehrenburg’s persistent attempts to introduce winter salad “witloof” into the menu of Soviet citizens. The motives that prompted the writer to begin a long-term struggle for spreading witloof go far beyond his personal gastronomic preferences. For Ehrenburg witloof is an attribute of Parisian life, which gives the writer a reason to contrast western and soviet lifestyles. Ehrenburg demonstrates their cardinal difference by contrasting “western” witloof with “soviet” sauerkraut. The mention of witloof almost always involves the use of the epithet “fresh,” while sauerkraut (fermented cabbage) symbolically represents Soviet and Russian conservatism, which blocks all attempts at dynamic development of the country. The social and political views leading to stagnation (“rotting”) correlate with the idea of fermentation as the process of controlled *rotting*. The allegorical meaning of events is explained by the author using a French expression (“big vegetables” in French for “responsible officials” in Russian). Ehrenburg attributes conservative views exclusively to top Soviet functionaries. The party nomenclature is opposed by a hero with an emblematic name and profession – Ivan Ivanovich, the watchman. His first reaction to witloof is purely “protective”, with a distinct mythopoetic tinge. He is strongly opposed to any innovations in the gastronomic field. However, ten years of service at Ehrenburg’s dacha turned Ivan Ivanovich into a real European. On a national scale, all attempts to introduce witloof have been unsuccessful. Ehrenburg used this specific example to reveal the mechanism leading to the collapse of any Russian reforms.

Keywords

Ehrenburg, memoirs, symbol, myth, poetics, gastronomic culture, allegory

For citation

Kulyapin A. I. Raw and Salty: Ilya Ehrenburg in the Fight for a Healthy Diet. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1, pp. xx–xx. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-

Одна из наиболее необычных и потому интересных, «оттепельных» глав седьмой книги «Люди, годы, жизнь» посвящена рассказу о настойчивых попытках Ильи Эренбурга внедрить в меню советских граждан зимний салат «витлуф» («брюссельский цикорий»). Эта глава содержит богатый материал как для культурологической, так и для психологической интерпретации. Мотивы, побудившие писателя начать многолетнюю борьбу за распространение витлуфа, выходят далеко за рамки его личных гастрономических пристрастий. Авторскую тенденциозность выдает уже начальная фраза восемнадцатой главы: «Иногда незначитель-

ные происшествия остаются в памяти и заставляют о многом задуматься» [Эренбург, 1990, т. 3, с. 352] ¹.

Симптоматично, что Хрущев, прочитав статью Эренбурга о витлуфе, сначала заподозрил в ней наличие некоего подтекста, иносказания. «Я вашу статью о зимнем салате прочитал дважды. В первый раз я думал, что вы пишете о политике, – я ведь не знал, что вы занимаетесь огородничеством...» – признался Хрущев в разговоре с писателем (т. 3, с. 354). Перед нами тот редкий случай, когда верным оказывается первое впечатление. Борьба за витлуф – это и в самом деле политика. Еда здесь должна восприниматься «не только как органическое вещество или средство поддержания биологического существования, но и как средство выражения разнообразных общественно значимых сообщений» [Данези, 2008, с. 144].

Витлуф для Эренбурга – неотъемлемая принадлежность парижского быта, что дает ему повод в очередной раз на страницах своей мемуарной книги противопоставить жизнь «у них» и «у нас». «У нас» означает в Советском Союзе, «у них» – в Европе, но биография Эренбурга дает основание скорее предположить обратное.

Писатель счел, что кулинарная ниша, занятая на Западе брюссельским цикори-ем, в России свободна, и попытался ее заполнить: «Я много лет прожил в Париже и привык зимой есть свежий салат. У нас свежие овощи можно найти в магазинах или на рынке с мая по октябрь, а в остальное время года ничего свежее квашеной капусты, соленых огурцов или в лучшем случае зеленого лука не достанешь» (т. 3, с. 352). Противопоставляя ‘витлуф’ ‘квашеной капусте’, Эренбург на конкретном примере демонстрирует кардинальное различие между жизнью на Западе и в Советском Союзе.

В тексте мемуаров приведен перевод слова «витлуф», причем – очень неточный – «белая головка» (т. 3, с. 352). «Wit» в нидерландском языке действительно означает «белый», а вот «loof» – это никакая не «головка», а «листва». Дело, разумеется, не в плохом знании голландского языка. «Белая головка» – это в России общеизвестный синоним водки [Александрова, 2001, с. 58]. Голландская «белая головка» связана со здоровым питанием, русская – с вредными привычками.

Оппозиция «витлуф / квашенная капуста», за которой скрываются другие («Европа / Россия», «высокоразвитая культура / отсталость»), может показаться необычной, поскольку она противоречит признанной концепции Клода Леви-Строса, согласно которой *приготовленное* связано с культурой, а *сырое* принадлежит миру природы. Оппозиции «наличие обработки / отсутствие обработки – культура / природа» инвариантны [Леви-Строс, 2006, с. 344].

У Эренбурга решение как будто бы противоположное: сырое едят в цивилизованной Европе. Но так это выглядит только на первый взгляд. Ведь, несмотря на то, что витлуф употребляется сырым, сам процесс его выращивания довольно сложен, т. е. предполагает наличие высокого уровня культуры. В результате первого самостоятельного опыта, когда Эренбург просто посеял семена, привезенные из Парижа, он вырастил лишь совершенно несъедобные «огромные изумрудные листья: «Я их попробовал и долго отплеывался – салат оказался горче хинина»

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием номера тома и страниц.

(т. 3, с. 352). И только побывав в брюссельской Высшей сельскохозяйственной школе, писатель овладел секретом производства витлуфа. Советские овощные совхозы, которым предстояло насытить зимним салатом отечественный рынок, как раз в силу отсутствия культуры так и остановились на стадии выращивания «совершенно несъедобных зеленых кочанов» (т. 3, с. 354). К тому же витлуф появился на прилавках овощных магазинов почему-то не зимой, когда ощущается острая нехватка витаминов, а летом.

Помимо противопоставления 'сырое' / 'приготовленное' в работе Леви-Строса рассматривается другая важная оппозиция – 'сырое' / 'гнилое', где полюс культуры представляет уже "сырое" (т. е. *свежее*). В мифах «применяется двойное противопоставление: сырого и приготовленного, с одной стороны, и свежего и гнилого – с другой. Ось, которая соединяет сырое и приготовленное, представляет собой характеристику культуры, а та, что соединяет сырое и гнилое, – характеристику природы, поскольку обработка огнем осуществляет культурное превращение сырого, а гниение оказывается превращением естественным» [Леви-Строс, 2006, с. 140].

Мысль Эренбурга аналогична леви-стросовской. Упоминание витлуфа почти всегда предполагает использование эпитета «свежий». В квашеной же капусте на символическом уровне репрезентирован тот советско-русский консерватизм, который блокирует все попытки динамичного развития страны, ведет к застою (т. е. *загниванию*). Квашение, как известно, – это ферментация, т. е. процесс контролируемого гниения.

Иносказательный смысл реальным событиям придается автором при помощи французского выражения. Чиновников, которых у нас принято называть «ответственными», французы именуют «крупными овощами», – поясняет Эренбург (т. 3, с. 354). Салат витлуф так и остался в СССР редкостью именно потому, что «весьма распространены у нас те люди, которых французы называют "крупными овощами"». О них никто еще обстоятельно не написал» (т. 3, с. 355).

Эренбурга нельзя обвинить в примитивной русофобии, консервативные убеждения он приписывает исключительно прослойке высших советских функционеров. Партийной номенклатуре противопоставлен герой с эмблематическими именем и профессией – *сторож Иван Иванович*. Его первая реакция на витлуф сугубо «охранительная», с отчетливым мифопоэтическим оттенком. Он решительно против всяких нововведений в гастрономической сфере и категорично заявляет: «Траву коровы едят, а не люди...» (т. 3, с. 355). Марсель Данези, безусловно, прав, утверждая, что «съедобность скорее определяется культурой, чем природой. <...> Список растений и животных, которые считаются съедобными (или несъедобными), в значительной мере – результат истории традиций» [Данези, 2008, с. 150].

Однако Эренбургу, ярому стороннику «кулинарного интернационала» [Кобрина, Кобрин, 2007, с. 356], всё же удалось изменить мнение Ивана Ивановича. Попробовав кочан, он был вынужден признать: «Неплохо» (т. 3, с. 355). Десятилетняя служба на даче Эренбурга вообще превратила Ивана Ивановича в настоящего европейца: «Прожив у меня десять лет, он построил себе хороший кирпичный дом и вышел на пенсию, его жена Прасковья Алексеевна недавно рассказала мне: "Иван Иванович за стол не садится, если нет салата..."» (т. 3, с. 355).

Косность, по Эренбургу, всегда замешана на мифах. Не важно, идет ли речь об «овощной», «консервно-консервативной» психологии чиновников или о неприятии всего нового носителем патриархальной точки зрения. Интереснее, однако, другое. Оказывается, что ментальность советского либерала-западника Эренбурга также опирается на мифопоэтический фундамент. Поражает сказочная легкость приобщения Ивана Ивановича к миру европейской идиллии.

«Язык овощей» оказался достаточно богат. С его помощью Эренбург сумел выразить как свою ненависть к «национальной ограниченности», так и стремление превратить советского человека в «подлинного гражданина мира»². А безрезультатность всех попыток внедрения витлуфа в масштабах страны моделирует механизм крушения любых российских <советских> реформ.

Деятельность почти всех отечественных правителей-реформаторов предполагала обновление традиционной русской кухни. И это понятно. Ведь по-настоящему изменить человека можно, лишь изменив его пищу. Вульгарно-материалистический тезис «Человек есть то, что он ест», обретет весомость, если из сферы физиологии его перенести в сферу культурологии.

Эренбург не мог не осознавать, что, пытаясь приучить россиян к новому продукту питания, онвольно или невольно уподобляется и Петру I, и Екатерине II, и, конечно же, Н. С. Хрущеву, непосредственно втянутому в «салатную эпопею». В. Г. Лидин, даря Эренбургу свою книгу «Слово о Чехове», сделал остроумную надпись: «Витлуфу I от Поррея XIV. В Москве марта 1960» (т. 3, с. 415). В этой шутке легко опознается намек на привычную русскую мифологему «поэта-царя», хотя сфера ее приложения на этот раз весьма экзотична.

Список литературы

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.

Данези М. Прикладные аспекты семиотики // Критика и семиотика. 2008. Вып. 12. С. 135–154.

Кобрин О., Кобрин К. СССР: кулинарная империя внутри и снаружи (свидетельство гастронома с комментариями историка) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2007. № 3. С. 350–362.

Леви-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. М.: ИД «Флюид», 2006. 399 с.

Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М.: Сов. писатель, 1990.

² «Мы выросли на идеях XIX века, ненавидели национальную ограниченность, верили, что границы доживают свой век», – пишет о своем поколении Эренбург (т. 2, с. 234). По его мнению, быть «гражданином мира», а не носителем узконационального – главное достоинство любого человека. Описывая, например, свои впечатления от посещения Армении в третьем томе книги «Люди, годы, жизнь» Эренбург восхищается тем, что там живут «люди, страстно любящие свою землю и вместе с тем не ограниченные провинциалы, а подлинные граждане мира» (т. 3, с. 257).

References

Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskii spravochnik [Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical reference book]. 11th ed., revised and enlarged. Moscow, Russkii yazyk, 2001, 568 p. (in Russ.)

Danezi M. Prikladnye aspekty semiotiki [Applied aspects of semiotics]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2008, iss. 12, pp. 135–154. (in Russ.)

Ehrenburg I. G. Lyudi, gody, zhizn': Vospominaniya [People, years, life: Memoirs]. In 3 vols. Moscow, Sovetskii pisatel', 1990. (in Russ.)

Kobrina O., Kobrin K. SSSR: kulinarnaya imperiya vnutri i snaruzhi (svidetel'stvo gastronoma s kommentariyami istorika) [USSR: culinary empire inside and out (evidence of a deli with comments by a historian)]. *Teoriya mody: Odezhda. Telo. Kul'tura* [Fashion Theory: Clothing. Body. Culture], 2007, no. 3, pp. 350–362. (in Russ.)

Levi-Stross K. Mifologiki: Syroe i prigotovlennoe [Mythologics: Raw and cooked]. Moscow, Flyuid Publ., 2006, 399 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук

Information about the Author

Alexander I. Kulyapin, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 12.03.2024
The article was submitted on 12.02.2024;
approved after reviewing on 12.03.2024; accepted for publication on 12.03.2024*